

СМЫСЛ И ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ*

Аннотация: На материале отрывка из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» рассмотрены те взаимосвязи между словами, которые способствуют моносемизации слова в рамках относительного единого целого, а также зависимость смысла слова от предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур как единиц языковой композиции текста.

Ключевые слова: моносемизация, целое, эмоционально-экспрессивный, языковая композиция.

Для истинного понимания значения слова, случайно оторванного от содержания произведения, по мнению В.Н. Волошинова, необходим учёт трёх составляющих так называемого «внесловесного контекста»: «1) общего для говорящих пространственного кругозора <...>; 2) общего же <...> знания и понимания положения и, наконец, 3) общей для них оценки этого положения» [1: 66].

Даже «неполное» слово, каким, например, можно считать местоимение, употреблённое в устной диалогической речи, на первый взгляд абсолютно невыразительное, содержит в себе указание на внеязыковую действительность, т.е. является выразительным. Так, слово «этот» может быть воспринято по своему словарному значению как местоимение, имеющее, согласно С.И. Ожегову, три значения [2: 1192], но только в тексте оно может обрести конкретный смысл, или, по словам М.Л. Гаспарова, моносемизироваться [3: 191]. Отражением такой конкретизации смысла может служить характер употребления слова «Этот?» в романе А.Г. Малышкина «Люди из захолустья».

Интонация как бы венчает высказывание, направляя его к конкретизации смысла. Интонация, проявляя отношение субъекта речи к предмету высказывания и обладая элементом содержания контекста, своей смысловой незавершённостью ведёт к поиску структур, восполняющих отсут-

ствующие компоненты смысла. Отношение к предмету речи заключается в оценке. «Жизненный смысл и значение высказывания <...> не совпадают с чисто словесным составом высказывания. Сказанные слова пропитаны подразумеваемым и несказанным. То, что называется «пониманием» и «оценкой» высказывания (согласие или несогласие), всегда захватывает вместе со словом и внесловесную жизненную ситуацию. <...> Интонация <...> как бы перекачивает энергию жизненной ситуации в слово, она придаёт всему лингвистически устойчивому живое историческое движение и однократность. Наконец, высказывание отражает в себе социальное взаимодействие говорящего, слушателя и героя, является продуктом и фиксацией на материале слова их живого общения» [1: 73-74].

Для художественного произведения важно найти контекст, в котором интонированное, поэтому предикативное, слово «Этот?» звучало бы осмысленно, а это означает, что в тексте с помощью языкового материала должны быть созданы все три момента «внесловесного контекста». Неполный смысл слова указывает на то, что в тексте должны быть словесные ряды, указывающие на условия употребления языка, – структуры, связывающие смыслы. В этом свойстве, вероятно, можно усмотреть своего рода валентность языковых единиц, которая в тексте проявляется как указующее свойство, требующее поиска связующих нитей – композиционно связанных элементов текста. Без понимания ситуации общения, которая в тексте проявляется во взаимосвязи композиционно связанных элементов, понять слова нельзя. Эта взаимосвязь обнаруживается и в отрывке из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья». Отрывок, пусть и неполно, но поясняет значение слова «Этот?»:

Аграфена Ивановна <...> узнавала его – с ненавистью, с трясеньем.

– Смотрите... как-кой клоун разрядился! – ахнула она. – И такой клоун ... такой сопливец руку тянул, чтоб церкву

* © Папян Л.Ю.

божию ломать! Поотсохли бы у тебя руки, паскудный!

Тишка опешил, но тут же упоительное остервенение подхватило его. Как будто обиды этой только и жаждала душа.

– Мы, тётя, не кирпичи ломаем, а ваш буржуйский притон. Эти слова он слышал от Подопригоры и теперь с наслаждением отплачивал ими старухе в самые глаза – за счастливых, за цилиндры, за всё... – И будем ломать, да, и будем ломать!

– Да как это ты... отшатнулась старуха. Граждане! – Она крутилась, окончательно ополоумев, не находя слов. – Граждане... вот этот деньги у меня вынул.

<...>

Цепкая лапа ухватила Тишку за ворот:

– Этот? [4: 374].

Только после знакомства с речевой ситуацией можно понять и ту оценивающую (в данном случае, угрожающую) интонацию, которая наполняет слово «Этот?». Приведённый отрывок конкретизирует его значение, превращает значение в смысл точно так же, как это происходит в звучащей диалогической речи. «В обычном языке слово уподобляется предложению и (для ясности) всегда может быть развернуто в предложение. <...> Слово моносемизируется контекстом», – писал М.Л. Гаспаров [2: 191]. Употребление языка в реалистическом романе в некотором смысле близко к «обычному языку». Моносемизации способствуют диалогическая противопоставленность речи персонажей и ремарки, обнаруживающие через формы третьего лица другую речевую структуру – объективированную «всеведением» [5: 194] образа автора, «который всё видел как бы своими глазами» (А.Г. Битов «Пушкинский дом»).

В высказываниях персонажей доминируют слова с оценочными значениями. Способствуя художественно-образной конкретизации [6: 204], оценочные значения играют важную роль в создании облика персонажей и могут быть рассмотрены в едином ряду средств, создающих образность речи. По своей композиционной роли оценочные значения слов и выражений, употреблённых в произведении, могут быть сопоставлены со значением повествовательных и описательных деталей (подробностей). Подобно тому, как детали (подробности) спо-

собствуют выражению тенденций, свойственных литературе реализма, к точному соотношению слова и предмета, так слова с оценочными значениями способствуют передаче эмоционального состояния персонажей и выражению их отношения к романному событию. И детали, и оценки выражены словесно, и те, и другие выполняют функции художественно-образной конкретизации, и те, и другие способны «переводить» «слово-понятие в слово-образ (художественный) через целую систему конкретизирующих лингвистических средств, активизирующих воображение читателя» [6: 204].

В ремарках объективно, через внешнее проявление, даётся ситуативное описание состояния персонажей в процессе общения. [Аграфена Ивановна] *узнавала его – с ненавистью, с трясением; отшатнулась старуха; она крутилась, окончательно ополоумев, не находя слов. [Тишка] опешил, но тут же упоительное остервенение подхватило его; с наслаждением отплачивал ими старухе в самые глаза.*

В речи героев обнаруживается стремление автора подчеркнуть их противоборство, обострить эмоциональную напряженность. Экспрессия и оценочность в прямой речи выражены открыто, посредством сниженной и бранной лексики, прямого обращения, адекватной условиям общения интонации. [Аграфена Ивановна]: *поотсохли бы у тебя руки, паскудный!*

Языковая единица в тексте может наполняться смыслом, содержащим одновременно несколько значений, причём эти значения не противоречат конкретизации смысла. Так, в речи старухи для усиления экспрессии используется обращение к Тишке через третье лицо. Эта форма обращения в данном случае ориентирована одновременно и на окружающих, в поиске свидетелей и сторонников, и непосредственно на мальчика: *Смотрите..., как-кой клоун разрядился! И этакий клоун ..., этакий сопливец руку тянул, чтоб церкву божию ломать! Поотсохли бы у тебя руки, паскудный!*

Слово «Этот?» наполнено сложившимся противостоянием, в нём сошлись все точки зрения говорящих – участников ситуации. В нём заключён фокус «прошлых» и «будущих» событий романа.

В рамках рассматриваемого смысла

слова важно, чтобы художественный текст создал «общий пространственный кругозор», «общее понимание положения» и общие его оценки.

Действительно, в художественном произведении весь внеязыковой контекст должен быть создан словесно, «многое, что оставалось в жизни за пределами высказывания, должно найти теперь словесного представителя» [1: 74]. Смысл в виде совокупности частных значений впитывается в каждое весомое слово отрывка в ходе развёртывания структур текста – словесных рядов. Смысл, который осуществляется организованными в словесные ряды языковыми средствами, можно назвать содержанием – держанием вместе – всех структур текста. Каковы же наиболее общие структуры, которые обнаруживаются практически во всех относительно самостоятельных отрезках (отрывках, абзацах) и обеспечивают понимание и оценку текста?

Учёные выяснили, что практически во всех текстах есть общие, отвлечённые от конкретности стороны содержания (информации). Так, в работах И.Р. Гальперина [7: 27-28; 8: 153], напомним, различаются содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информации. Анализ предшествующего отрывка может отчасти быть и иллюстрацией теории И.Р. Гальперина. Так, полученную из отрывка информацию можно дифференцировать. Фактуальная информация по отношению к рассмотренному выше отрывку проявляется в том, что в нём сообщается о месте события (рынок), о способе проявления действия (речи), о времени (общем и конкретном, с которым связана речь, действие: *вдруг*), о возрасте героев и их миропонимании (старуха и мальчик; сторонница старого жизненного уклада и его враг и пр.), одежде (*сверкнул серебряным своим оперением*), происходящих событиях и т.д. Большая часть языковых единиц, связанных с передачей этой информации, осталась за пределами приведённого отрывка, но информация уже вошла в контекст в образах героев, в речи, её ситуативной привязанности (на рынке собрался народ, который втягивается в спор, отсюда и обращение к ним, и форма речи от третьего лица в обращении к Тишке). К концептуальной информации будет относиться всё содержание прямой речи,

образующее диалогическое единство. В нём отражена непримиримая борьба, за которой просматривается подтекстовая информация о социальном, идеологическом противостоянии, приобретающем не только образное, но и символическое значение: старуха отстаивает, разумеется (для литературы соцреализма), идеи «тёмного прошлого»; мальчик, что стало штампом (в советское время), представляет «светлое будущее».

Стремление к большим обобщениям привело В.В. Одинцова к выделению двух сторон плана содержания и плана выражения текста – предметно-логической и эмоционально-экспрессивной [9: 52-79; 5: 117-120]. Подход В.В. Одинцова позволяет не только определить содержательные (информативные) и выразительные стороны текста, но и подойти к ним с точки зрения динамики средств и способов языкового выражения.

Действительно, если проследить за функциями словесных рядов, объединённых наиболее общими значениями, выясняется, что в любых текстах можно выделить две стороны – предметно-логическую и эмоционально-экспрессивную. Первая, строго содержательная, сторона создаётся предметно-логическими структурами; вторая, выражающая чувства и через них непосредственную оценку и отношение к сказанному, – эмоционально-экспрессивными.

Итак, структура текста связана с языковой композицией, с «распределением света и тени» (В.В. Виноградов), с точками видения персонажей и, в конечном итоге, с «основными чертами творчества» (В.В. Виноградов) – с образом автора. Идея В.В. Одинцова важна не только для теории текста, стилистического анализа, стилистики в целом, но и для практики использования языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб., 1995.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2004.
3. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. – М., 1986.
4. Малышкин А.Г. Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – М., 1978.

5. Горшков А.И. Русская стилистика. – М., 2001.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2006.
8. Гальперин И.Р. Лингвистика текста // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) М., 1984.
9. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 2006.

L. Papuan

MEANING AND LINGUISTIC STRUCTURES IN WORK OF FICTION

УДК 81'367.623

Таратинская Л.А.

**КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПОЭТИКА ПОРТРЕТА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»***

Аннотация: В статье проанализированы функции качественных прилагательных в портретных характеристиках персонажей романа. Основное внимание сосредоточено на цветочных прилагательных; выявлены существительные, передающие черты портретов главных действующих лиц, с которыми регулярно сочетаются цветочные прилагательные.

Ключевые слова: качественные прилагательные, портретная характеристика персонажа.

В философской науке существует много подходов к пониманию проблемы человека и человечества в целом. Человек предстаёт как носитель разума, логических, этических и эстетических ценностей. Н.А. Бердяев писал: «Проблема человека есть основная проблема философии. Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолеть себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности» [1].

Одно из характерных свойств русского человека – широту его души, сочетание в человеке божественного и дьявольского, ангельского и бесовского в романах Ф.М.

Abstract: Basing on the fragment from the novel “People from zaholustye” by Alexander Malyshkin the author analyses relations between the words that make the words monosemic within a relative organic whole. Also in the article it is analyzed the dependence of the word meaning from objective-logical and emotional-expressional structures as units of the text composition.

Key words: monosemic, organic whole, emotional-expressional, text composition.

Достоевского раскрывают портреты героев [2]. Портреты, написанные Достоевским, предстают как система авторских сигналов, призванных информировать читателя не столько о внешности персонажа, сколько о его месте в картине мироздания. Они раскрывают временное и вечное, явное и тайное, скрытое от глаз в человеке. Одни и те же детали переходят из портрета в портрет и свидетельствуют не только об авторском отношении к персонажу, но и о чем-то невыразимом словами, невозможном для описания.

Включение имени собственного (Карамазовы) в заглавие связано с установлением общих черт, присущих этой группе людей. Почему именно такую фамилию избрал для своих героев Достоевский? Карамазый (ср.: кара – *тюрк.* ‘черный’; карамазый – ‘смуглый’ (с лица). Лексема *черный*, обладающая широким негативно-оценочным фоном, является одним из табуированных наименований чёрта, синонимом слова *нечистый*, символизирует дьявольское начало этой семьи [3]. Второе слово из заглавия братья обладает потенциально позитивной оценочностью; ср.: **БРАТЬЯ**. 1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей. 2. *Высок.* Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями. // Еди-

* © Таратинская Л.А.